

На правах рукописи

Орлов Виталий Владимирович

**Этнополитическое и социально-экономическое развитие
Чувашии в 20-е годы XX века**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Казань - 2009

Работа выполнена на кафедре Современной отечественной истории ГОУ ВПО «Казанский государственный университет» им. В.И. Ульянова-Ленина

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Валеев Рамзи Калимович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Тимофеев Петр Тимофеевич

доктор исторических наук, профессор
Кабытов Петр Серафимович

доктор исторических наук, профессор
Бойко Иван Иванович

Ведущая организация: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Защита диссертации состоится «25» июня 2009 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 по историческим наукам в Казанском государственном университете им. В.И.Ульянова-Ленина по адресу: г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета, читальный зал № 1 по адресу: г. Казань, ул. Кремлевская, 35.

Автореферат разослан «___» _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного Совета,
кандидат исторических наук,
доцент

Хайрутдинова Д.Р.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования определяется тем, что в 20-е годы XX столетия занимают особое место в истории страны. В начале периода советская власть, вступив на путь социалистической модернизации общества, перешла от тотального государственного регулирования к новой экономической политике, а в конце вновь вернулась к применению элементов «военного коммунизма» под оболочкой административно-командной системы, означавшей победу интересов партийно-хозяйственной номенклатуры над социально-экономическими интересами всех слоев населения.

Важность темы диссертации определяется также необходимостью познания реальных результатов региональной политики советской власти в 1920-е гг.: национально-государственного строительства, экономического районирования и выравнивания уровней социально-экономического развития территорий. Советский федерализм, базировавшийся на большевистской идее права наций на самоопределение, являлся важным звеном механизма диктатуры пролетариата. Содержательно он не сводился только лишь к «подачкам» союзного правительства местным властям в обмен на их политическую лояльность. Но бюджетно-налоговой политикой Советского государства национальные образования были лишены источников саморазвития и тем самым оказались в полной зависимости от него¹. Такая модель взаимоотношений между Центром и автономными образованиями стала складываться еще в 1920-е гг. и означала торжество ленинско-сталинской национальной политики.

Доктрина выравнивания уровня развития ранее отсталых территорий, выдвинутая в первые годы советской власти, реализовалась с большими издержками из-за ее слабой теоретической и содержательной проработанности. Административный диктат и фактическое отчуждение местной власти от распределения доходов, получаемых от эксплуатации их территорий, привело к росту диспропорций между регионами страны. В

¹ **Алексеев В.В.** Регион-этнос-культура: проблемы взаимодействия в XX веке // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. – М., 1999. – С. 89 - 99.

1927/28 году разница по валовой продукции промышленности между Татарской и Чувашской АССР составляла 10 с лишним раз¹.

Инерция отсталости и зависимость от Центра механизма развития Чувашской автономии, заложенные в 1920-е гг., не позволили ей выйти на передовые рубежи в советское время. Однако и после проведения «антикоммунистической революции» в ходе проведения рыночных реформ она по всем значимым социально-экономическим показателям оказалась в числе регионов-аутсайдеров².

Разумеется, российское пространственное неравенство не феноменально³. Но в условиях складывания неэтакратической (квазикапиталистической) системы⁴ еще более выросли различия между территориями страны. В 2005 г. межрегиональная дифференциация по валовому региональному продукту (ВРП) на душу населения составляла 43 раза, а по показателю «инвестиции в основной капитал» на душу населения - 234 раза⁵.

При такой высокой полярности сохранение единства и целостности самого большого по территории и самого богатого по природным ресурсам государства в мире невозможно без жесткой центральной власти, без укрепления ее вертикальной составляющей. С этим связана необходимость основательного изучения путей выхода российского общества из кризисов, которые происходили на фоне ослабления центральной власти и носили глобальный характер. Аргументами сравнения против двух системных кризисов обычно выступает разнонаправленность реформ: в 1920-е гг. происходил процесс национализации собственности, а в 1990-е гг., наоборот, ее приватизация. В первом случае не удалось избежать гражданской войны, а

¹ Подсчитано по: ГИА ЧР. Ф. 202. Оп. 2. Д. 575. Л. 91.

² **Зубаревич Н.В.** Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М., 2005. – С. 252-261 (Приложение 1, 2); **Кузнецова О.В.** Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. – М., 2005. – С. 172; **Смирнов В.В.** Эффективность социально-экономического развития региона в условиях трансформирующейся экономики. – Чебоксары, 2005. – С. 168-200; **Пилясов А., Колесникова О.** Оценка творческого потенциала российских региональных сообществ / Вопросы экономики. – 2008. – № 9. – С. 50-69; и др.

³ **Зубаревич Н.В.** Мифы и реальности пространственного неравенства // Общественные науки и современность. – 2009. – № 1. – С. 38-53.

⁴ **Шкаратан О.И.** Становление постсоветского неэтакратизма // Общественные науки и современность. – 2009. – № 1. – С. 5-22.

⁵ **Бахтизин А.** Сокращение межрегиональной дифференциации проблемных регионов // Федерализм. – 2008. – № 2. – С. 41-54.

во втором обществе смогло избежать братоубийственной войны. Но в целом суть этих преобразований в обоих случаях состояла в кардинальном изменении форм собственности, осуществляемом сверху государством в короткий исторический период. Оба кризиса происходили на фоне распада империи, раскола общества, национальных и этнических конфликтов, разрыва хозяйственных и территориальных связей¹.

Особую значимость изучению проблемы придает проводимая в настоящее время политика перехода к рыночным отношениям, являющаяся составным элементом обновления общества и вызванная к жизни потребностью создания развитой экономики. Актуальность темы вызвана также необходимостью исследования аграрной и денежной реформ, проведенных властями в этот период.

Объективное осмысление опыта системных преобразований, проведенных в 20-е гг. XX в. на региональном уровне, позволит видеть трансформацию идей октябрьской революции 1917 г. на местах, понять внутренние генетические причины развала СССР и проблемы, возникающие при возрождении новой российской государственности, что важно не только для обогащения научной теории, но и для учета при реализации национальной и социально-экономической политики.

Объект исследования – Чувашская автономия в контексте социально-экономической и национальной политики Советского государства в 1920-е гг. В той степени, в какой это необходимо для раскрытия темы, в диссертации анализируются вопросы сотрудничества Чувашии с Марийской областью, Татарской АССР, Симбирской, Самарской и Нижегородской губерниями. Региональный аспект исследования в диссертации применяется в двух вариантах: как отдельная автономия (ЧАССР) и как их совокупность – губернии и автономные образования Среднего Поволжья.

Предмет изучения – этнополитические и социально-экономические аспекты становления Чувашской автономии. Главные направления исследования - формирование национальной политической элиты; генезис,

¹ Полетаев А.В., Савельева И.М. Сравнительный анализ двух системных кризисов в российской истории (1920-е и 1990-е годы) // Экономическая история. Ежегодник. 2000. – М., 2001. – С. 98-134.

эволюция этапов и складывание характерных особенностей национально-государственного строительства в Чувашии; установление ее административных границ; разработка Советским государством и реализация автономией основных направлений социально-экономической политики, а также становления в ней системы управления, механизма централизованного планирования и финансирования.

Цель диссертации – на основе современных научно-методологических подходов провести комплексный анализ этнополитического и социально-экономического развития Чувашии в 1920-е гг., выявить особенности, основные тенденции и закономерности ее становления. В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие **задачи**:

- обобщить опыт отечественной и зарубежной историографии проблемы, сформировать репрезентативную источниковую основу по теме диссертационного исследования;
- изучить сложный процесс формирования национальной политической элиты, дать современную оценку дискуссиям 1920-х гг. о выборе стратегии социально-экономического развития Чувашии;
- определить место и роль территориального фактора в становлении национальной государственности чувашского народа;
- установить источники финансирования программ этнополитического и социально-экономического развития региона;
- выявить роль, особенности и соотношение рыночных и плановых механизмов в процессе восстановления народного хозяйства;
- проанализировать динамику изменений социального состава населения, процесс трансформации его образа жизни, уклада, общественного сознания и менталитета в контексте проведения социалистических реформ;
- раскрыть основные причины отставания региона в преодолении голода, неграмотности, безработицы, бедности и нищеты населения, охарактеризовать пути и способы преодоления острых социальных проблем, предлагавшихся руководством автономии;
- обобщить итоги системных социалистических преобразований Чувашии в 1920-е гг., определить обоснованность путей ее выхода из кризиса.

Хронологические рамки диссертации приходятся на 1920-е гг., которые являются целостным и самостоятельным этапом в истории Советского государства. Отправной точкой выбрана дата учреждения Чувашской автономной области в июне 1920 г. Верхней границей исследования принят 1928 год, когда началась реализация первого пятилетнего плана, директивного планирования, произошел демонтаж рыночной экономики, завершившийся установлением административно-командной системы. Внешние границы периода совпадают с общесоюзной схемой, хотя отмечается несоответствие внутренних этапов развития Чувашии из-за более поздних сроков внедрения в ней принципов новой экономической политики.

Территориальные границы исследования охватывают Чувашскую Республику с учетом всех происходивших в 1920-е гг. изменений ее административных границ. Согласно декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 24 июня 1920 г. была учреждена Автономная Чувашская область с административным центром в г. Чебоксары, в состав которой включались из Казанской губернии в полном составе Цивильский, Ядринский и Чебоксарский уезды, а также восемь волостей из Козьмодемьянского уезда, из Симбирской губернии – три волости Курмышского и пять волостей Буинского уездов. 21 апреля 1925 г. Чувашская автономная область была преобразована в Чувашскую АССР, куда затем вошли три волости Алатырского уезда Ульяновской губернии. В итоге всех переделов общая площадь территории Чувашии выросла с 16,1 тыс. кв. км в 1920 г. до 18,3 тыс. кв. км в 1925 г. В диссертации местный материал излагается на фоне этнополитических и социально-экономических процессов, происходивших на общесоюзном и всероссийском уровнях.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что впервые в диссертационном исследовании осуществлены: комплексный анализ становления Чувашской автономии, которая обладала спецификой этнополитического и социально-экономического развития; изучены проблемы формирования национальной политической элиты, выбора долгосрочной стратегии развития Чувашии; проведен анализ финансирования программ ее социально-экономического развития, а также

места и роли территориального фактора в ее функционировании; выявлены основные противоречия и трудности в проведении хозяйственной и этнокультурной политики в Чувашии в условиях усиления централизации и мобилизационной деятельности государства диктатуры пролетариата. Впервые в научный оборот введены архивные материалы, выявленные в 45 фондах 7 центральных и местных региональных архивов.

Практическая значимость диссертации определяется тем, что обширные экономические сведения и статистические материалы, а также результаты аналитических обзоров могут использоваться социальными институтами, имеющими непосредственное отношение к совершенствованию системы управления этнополитическими и социально-экономическими процессами. Выводы и авторская позиция, представленные в работе, являются базой для комплексного изучения проблемы формирования автономий в Советской России и основой для дальнейших исследований. Собранный фактический материал и результаты изысканий могут быть востребованы при написании обобщающих научных трудов и справочной литературы. Диссертация имеет особую ценность для гуманитарных дисциплин регионального компонента. Богатство источниковой основы диссертационной работы позволяет создать новые учебные и учебно-методические пособия, а также справочники.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были апробированы в 30 публикациях, в том числе трех монографиях, 27 научных статьях, из них 8 – в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, общий объём которых составляет 55,6 п. л. Различные аспекты темы диссертационного исследования изложены на 3 международных, 3 всероссийских, 4 межрегиональных и 5 региональных научно-практических конференциях. Диссертация дважды обсуждалась на расширенном заседании кафедры Современной отечественной истории ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова – Ленина».

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования и включает введение, 4 главы, заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

II. Структура и краткое содержание диссертации

Во введении диссертации обоснована актуальность темы, определены объект и предмет, хронологические рамки и территориальные границы, цели и задачи исследования, приведены методологическая основа, новизна, научная и практическая значимость диссертации, обобщены результаты апробации диссертационной работы.

В первой главе «Теоретические основы исследования» проанализированы основные подходы и методы научного познания, позволившие концептуально осмыслить собранный материал и создать самостоятельную научную работу; обобщен опыт отечественной и зарубежной историографии по заявленной проблеме; охарактеризованы и проанализированы пять групп источников, которые в совокупности позволяют получить достоверную научную информацию по теме диссертационного исследования.

В первом параграфе «Методологические подходы к научному освещению темы» раскрыты особенности использования в диссертационной работе формационной, цивилизационной и модернизационной макротеорий.

Используя формационную концепцию, в диссертации было выявлено, что Советское государство в 1920-е гг. много внимания уделяло индустриализации национальных окраин и формированию местных бюджетов. Из Центра выделялись средства на проведение капитального ремонта винокуренных и лесопильных заводов автономии, на развитие национальной культуры, языка, школьного образования. Впервые приступили к изучению производительных сил Чувашии, составлялись генеральные планы развития промышленности и сельского хозяйства. Цивилизационный подход нашел отражение при анализе трансформации ментальных установок и настроения чувашских и русских крестьян, рабочих и служащих под влиянием общинных традиций и идеологического давления правящей партии под классовыми формулами для форсированного строительства социалистического общества. Модернизационная концепция оказалась незаменима при освещении динамики восстановления промышленности, транспорта, связи, урбанизации, роста численности рабочих, горожан и образования населения. Именно в 1920-е гг. Чувашия в условиях социалистической модернизации встала на путь превращения из традиционного

в аграрно-индустриальное общество. Без выяснения региональных особенностей и противоречий в реализации национальной и социально-экономической политики невозможно придти к концептуальным выводам и заключениям.

Диссертационное исследование осуществлялось с использованием таких общенаучных методов познания, как научность, историзм, объективность, системность, комплексность, позволяющие изучать исторические события и факты в развитии, во взаимосвязи причинно-следственных связей. Научная работа невозможна без применения таких научных принципов, как логического и исторического, конкретного и абстрактного, аналитического и синтетического, статического и динамического, количественного и качественного, типологического. В диссертации широко применены историко-генетический, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, статистический, количественный методы анализа. Использование современных подходов, различных научных методов и принципов, позволяющих органично перейти от конкретных исторических фактов к концептуальным выводам и обобщениям, позволило моделировать историю этнополитического и социально-экономического развития Чувашской автономии в 1920-е гг.

С учетом теоретико-методологических подходов определялся понятийный аппарат исследования. В соответствии с выдвинутой в работе концепцией были использованы следующие дефиниции: социальный, социально-экономический, этнополитика, советская система, нация, титульные этносы, национально-государственное строительство, автономия, регион, кризис и т.д. Центральное место в понятийно-категориальном аппарате отведено дефинициям «социально-экономическое развитие» и «этнополитика», которые носят синтетический и междисциплинарный характер. Под социально-экономическим развитием в диссертации понимается изменение благосостояния, структуры потребностей, форм жизнедеятельности населения. «Этнополитика» рассматривается как процесс реализации национальной политики Советского государства на региональном уровне, а также как механизм подчинения национально-территориальных образований Центру. Особенностью социально-экономических и национальных процессов является их региональная привязка, определяющая цель, масштабы, уровень и темпы изменений во времени и пространстве.

Во втором параграфе «Историография проблемы» показана степень ее изученности в трудах многих поколений историков. В историографии условно выделяется четыре этапа.

Советская историография 1920-х гг. базировалась на последних работах В.И. Ленина, многие из которых оставались незавершенными¹. Политиками предпринимались попытки развития ленинской теории построения социализма на нэповских рельсах².

Аргументированностью выводов отличаются труды выдающихся экономистов А.Н. Челинцева, А.К. Гастева, С.Г. Струмилина, А. В. Чаянова, посвященные изучению занятости и безработицы, заработной платы и трудовых конфликтов, проведению бюджетных обследований семей рабочих и служащих³, а также проф. Н.Д. Кондратьева о государственном регулировании крестьянского зернового производства⁴. Свои рецепты проведения денежной реформы предлагали опытные ученые и практики Л. Н. Юровский, Г.Я. Сокольников и др.⁵

Главное внимание исследователями Среднего Поволжья уделялось изучению процессов восстановления народного хозяйства⁶, а также экономического

¹ Ленин В.И. О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условий) // ПСС. – Т. 43. – С. 205-245; Он же. X Всероссийская конференция РКП(б). 26-28 мая 1921 г. // ПСС. – Т. 43. – С. 295-341; Он же. VII Московская губпартконференция 29-31 октября 1921 г. Доклад о новой экономической политике 29 октября // ПСС. – Т. 44. – С. 193-213; Он же. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта 1921 г. // ПСС. – Т. 43. – С. 57-73; Он же. Заметки публициста // ПСС. – Т. 44. – С. 415-423; Он же. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. // ПСС. – Т. 44. – С. 396-400; Он же. О кооперации // ПСС. – Т. 45. – С. 369-377; и др.

² Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923 -1927. В 4-х тт. – М., 1990; Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1988; Преображенский Е.А. Новая экономика. – М. – Л., 1928; Рыков А.И. Избранные произведения. – М., 1990; и др.

³ Гастев А.К. Научная организация производства и армия; Струмилин С.Г. Производительность труда после революции; Чаянов А.В. Бюджетные исследования. История и методы; Финкельштейн А.М. Батрачество и трудовые конфликты в деревне // Антология социально-экономической мысли в России. 20 - 30-е годы XX века. – М, 2001.

⁴ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войн и революций. – М., 1991.

⁵ Сокольников Г.Я. Государственный капитализм и новая финансовая политика. – М., 1922; Он же. Финансовая политика революции. В 2-х тт. – М., 1925; Юровский Л.Н. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. – М., 1926; Преображенский Е.А. Новая экономика: Опыт теоретического анализа советского хозяйства. Ч. I. 2-е изд. – М., 1926. – Т.1.; и др.

⁶ Первушин Н.В. Казанский край как промышленный, торговый и потребляющий район. – Казань, 1922; Винавер И. Промышленность Саратовской губернии за 8 лет // Нижнее Поволжье. – 1925. – № 10; Дубровин П. Промышленность автономных областей и республик к десятилетию Октября // Труд и хозяйство. – 1927. – № 10; Раскин Я.М. Промышленность Средне-Волжской области // Среднее Поволжье. – 1928. – № 3; Петров Н. Восстановление и реконструкция сельского хозяйства Татарской Республики. – Казань, 1929.

районирования¹. В публикациях по вопросам национальной государственности указывалось на существование среди населения определенной боязни возврата времен «татарского ига», чему способствовали фабрикация слухов о готовящемся провозглашении татарами своего «Казанского ханства»².

Региональные историки обратились к изучению политической деятельности М. Султан - Галиева, который на XII съезде РКП (б) в апреле 1923 г. выступил с требованием о включении в Союз ССР равными субъектами всех национальных республик и областей РСФСР. Его идеи по повышению статуса национальных образований фактически были ответом на действия советских чиновников в Центре и на местах по ущемлению прав национальных республик, что признавалось и делегатами съезда³. Он, видя формальность существования национальных республик, предсказал недолговечность существования СССР⁴.

История национально-государственного строительства в Чувашии показана в сборниках юбилейного характера, в которых приводятся ее успехи за десять «великих» лет существования⁵. В трудах Д.П. Петрова-Юмана отрицалась классовая дифференциация чувашского народа из-за слабого развития в крае товарно-денежных отношений, критически оценивалась роль партии большевиков в борьбе за установление советской власти в Чувашии, приоритет в этом отдавался членам эсеровской партии, утверждалось, что «чувашское крестьянство от октябрьской революции не получило ни вершка земли».⁶ Почти

¹ Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. Вып. 1. – Самара, 1925; **Баскин Г.И.** Средне-Волжская область и ее границы. – Самара, 1925; **Победоносцев И.Ф.** Волжско-Камский край. – Казань, 1926; Вопросы экономического районирования применительно к Волжско-Камскому краю. – Казань, 1928.

² Подробнее см.: **Тагиров И.Р.** История государственности Татарстана. XX век. – Казань, 2005. – С. 22-23.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1917-1921. – М., 1970. – Т. 2. – С. 440.

⁴ **Султан-Галиев М.** Избранные труды. – Казань, 1999. – С. 537-538.

⁵ **Коричев С.А.** Заметки к вопросу по истории мелких национальностей Поволжья и Приуралья. – Чебоксары, 1924; **Михайлов А. М.** 10 лет Октябрьской революции и ЧАССР. – Чебоксары, 1927; 10 лет Октября в Алатырском уезде и ЧАССР. – Алатырь, 1927; Десять лет Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики. 1920-1930. – Чебоксары, 1930.

⁶ **Петров Д.П.** Чувашский край в борьбе за национальное освобождение. – Казань, 1921; **Он же.** Чуваши. Историко-политический и социально-экономический очерк. – М. – Л., 1926; **Он же.** Путь свободы. – Чебоксары, 1927.

в таком же критическом духе освещалась история октябрьской революции в статьях Г.И. Комиссарова и А.Д. Краснова¹.

«Лавры» главного правого уклониста достались Д.С. Эльменю – организатору Чувашской автономной области за такие высказывание, как «Октябрьская революция чувашам ничего не дала», «чувашское хозяйство катится назад», «чувашаи физически и духовно вырождаются», «Чувашия остается в стороне от столбовой дороги к социализму» и т.д. Выход из «чувашского тупика» он обоснованно видел во вложении внутриобластных накоплений и денежных средств, получаемых из Центра, в развитие деревообрабатывающей промышленности, а также в повышении товарности сельского хозяйства².

Чувашия первых лет советской власти стала предметом изучения статистиков и экономистов³. Их разумные предложения о необходимости признания Чувашии засушливой областью, индустриализации за счет строительства новых фабрик и железнодорожной ветки Канаш – Чебоксары, усиления централизованного бюджетного финансирования для разрешения наиболее острых социальных проблем региона в экономической политике Советского государства почти не учитывались.

Зарубежные исследователи, проявляя интерес к социалистическому эксперименту, давали критическую оценку нэповским преобразованиям⁴. Смена «смирительной рубашки» военного коммунизма с продналогом привела, по мнению П.А. Сорокина, к голоду и установлению «хозяйственно-социального строя, представлявшую смесь всех отрицательных сторон капитализма и деспотического коммунизма»⁵. По версии Б.Д. Бруцкуса, связь социализма и коммунизма с принудительным трудом явление не

¹ **Комиссаров Г.И.** История чувашского народа (на чув. яз.). – Казань, 1921; **Краснов А.Д.** Чувашские организации в Казани (на чув. яз.) // Голос работника (на чув. яз.). – 1923. – № 6.

² **Эльмень Д.С.** К вопросу о постановке проблем пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства Чувашской республики // Чувашское хозяйство. – 1928. – № 3-4.

³ **Евдокимов Н.** Сравнительный обзор состояния здоровья и физического развития населения Чувашской республики по материалам призывных комиссий 1926 года // Чувашское хозяйство. – 1927. – № 1-2; **Иванов Г.** Материалы к эволюции сельского хозяйства ЧАССР. Там же; **Яковлев А.** Экономическое состояние ЧАССР и ближайшие задачи хозяйственного строительства. Там же; **Валентинов Н.** Материалы к вопросу о развитии промышленности Чувашской АССР // Чувашское хозяйство. – 1928. – № 3-4; **Петров А.** Хлебный рынок Чувашской республики за текущий год. Там же; **Риманов И.** Кустарная промышленность и промкооперация Чувашской республики // Чувашское хозяйство. – 1930. – № 1.

⁴ См.: НЭП: взгляд со стороны. – М., 1991.

⁵ **Сорокин П.** Россия после НЭПа. Крестьянская Россия. - Прага, 1923 // Вестник Российской Академии наук. – 1992. – № 2. – С. 130; **Он же.** Голод как фактор. – М., 2004.

случайное, а необходимое. Поскольку принудительный труд является менее производительным, чем свободный, то и социализм обречен на проигрыш в экономическом соревновании с капитализмом¹. К аналогичным выводам пришел и австрийский экономист Л. фон Мизес².

Исторические произведения **1930-х – середины 1950-х гг.** определялись положениями ленинской теории о возможности строительства социализма в одной отдельно взятой стране и сталинской идеи об усилении классовой борьбы по мере строительства социалистического общества³. «Военный коммунизм» и нэп в литературе изображались как мудрая политика коммунистической партии, рассчитанная на построение социалистического общества в мелкокрестьянской стране и направленная на вытеснение капиталистических элементов из экономики⁴. Массовыми тиражами выходила литература, посвящённая образованию СССР⁵.

В трудах историков большое место уделялось процессу разработки налоговой политики, трансформации социально - экономических отношений в деревне, выяснению роли торговли в жизни крестьянского хозяйства⁶. В монографии В.П. Дьяченко была раскрыта деятельность Советского государства по ограничению частнокапиталистического накопления и концентрации финансовых ресурсов⁷.

Сочинения региональных исследователей тех лет представляют определенный интерес лишь с позиции накопления фактического материала

¹ **Бруцкус Б.** Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. – Берлин, 1923.

² **Мизес Л. фон.** Социализм. Экономический и социологический анализ. – М., 1994. (Первое издание вышло в свет в 1922 г.).

³ СССР в период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.): Исторические очерки. – М., 1955; Построение фундамента социалистической экономики в СССР: 1926-1932 гг. – М., 1960; Советское народное хозяйство. – М., 1960; Основные закономерности построения социалистической экономики. – М., 1967; и др.

⁴ **Генкина Э.Б.** Переход Советского государства к новой экономической политике (1921-1922). – М., 1954; **Лященко П.И.** История народного хозяйства СССР. – М., 1956; **Струмилин С.Г.** Проблемы экономики труда. – М., 1957; **Бахтин М.И.** Союз рабочих и крестьян в годы восстановления народного хозяйства (1921-1925). – М., 1961.

⁵ **Генкина Э. Б.** Образование СССР. – М., 1947; **Якубовская С.И.** Объединительное движение за образование СССР в 1917 – 1922 гг. – М., 1947; **Златопольский Д.Л.** Образование и развитие СССР как союзного государства. – М., 1954; **Чугаев Д.А.** Коммунистическая партия – организатор Советского многонационального государства (1917-1924 гг.). – М., 1954.

⁶ **Залесский М.Я.** Налоговая политика Советского государства в деревне. – М., 1940; **Конюков И.А.** Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия (1921-1925 гг.). – М., 1949; **Генкина Э.Б.** Переход Советского государства к новой экономической политике (1921-1922 гг.). – М., 1954; **Краев М.А.** Победа колхозного строя в СССР. – М., 1954.

⁷ **Дьяченко В.П.** Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. Ч. 1. 1917 – 1925. – М., 1947.

в процесс изучения истории Среднего Поволжья¹. Беспроblemный показ истории восстановления народного хозяйства, редкие сноска на архивные источники снижают научную значимость литературы этого периода.

В начале 1950-х гг. появились первые монографии, посвященные установлению советской власти в Чувашии, деятельности советов рабочих и крестьянских депутатов, разрешению национального вопроса, проведению культурной революции². Изучалась помощь Советского государства и русского народа трудящимся автономии в борьбе с голодом в 1921-1922 гг.³

В трудах зарубежных исследователей подчёркивался этнический характер федерации советского типа, неэффективность политики коренизации аппарата Советского государства. Историки «русской белой эмиграции» (А. Керенский, П. Милюков и др.) выступали против национальной политики советской власти⁴. В литературе зарубежья много внимания уделялось установлению административно-территориальных границ, отмечался низкий авторитет местных партийных организаций в глазах населения.

С середины 1950-х гг. в исторической науке наступает новый этап, связанный с десталинизацией общества. В этот период появились многотомные издания по истории социалистической экономики, культуры, рабочего класса и крестьянства⁵, которые носят фундаментальный характер. Их основательная научная оценка дана в историографических работах⁶ и

¹ Журавлев Н.С. Восстановление и развитие сельского хозяйства в восстановительный период. 1921-1926 гг. (По материалам Самарской губернии) // Исторические записки. – Т. 56. – Самара, 1955; Загайнов А.Я. Борьба за хлеб в Симбирской губернии в 1917-1929 гг. // Сб. студ. работ Ульяновского пед. института. – Вып. 1. – Ульяновск, 1956; Климов И.М. Образование и развитие Татарской АССР (1920-1926 гг.). – Казань, 1960.

² Петров И.Е. Завоевание и укрепление Советской власти в Чувашии (1917-1918). Дис. ... канд. ист. наук, наук. – М., 1950; Кузьмин В.Л. Крестьянское движение в Чувашии в период подготовки Октябрьской революции (март – октябрь 1918 г.). Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1953; Михайлов П.М. Культурная революция в Чувашии. – Чебоксары, 1957; Павлов Я.К. Великая Октябрьская социалистическая революция и разрешение национального вопроса в Чувашии (1921 – 1925). – Чебоксары, 1957.

³ Димитриев В.Д. Помощь Советского государства и русского народа трудящимся Чувашии в борьбе с голодом 1921-1922 гг. // Записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ЧНИИ). – Чебоксары, 1950. – Выпуск IV. – С. 3-42.

⁴ См.: Доронченков А. И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. – СПб., 2001.

⁵ История социалистической экономики СССР в 7-и тт. Т.1. Советская экономика 1917 – 1920 гг. – М., 1975; Т.2. Переход к нэпу. Восстановление народного хозяйства СССР. 1921 – 1925 гг. – М., 1976; История советского крестьянства в 5-и тт. Т.1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917-1927. – М., 1986; История рабочего класса СССР. В 6-и тт. Т. 2. Рабочий класс СССР – ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921-1937 гг. – М., 1984.

⁶ Берхин И.Б. Некоторые вопросы историографии новой экономической политики в СССР // Вопросы истории. – 1961. – № 3. – С. 28 – 45; Климов Ю.Н. Историография новой экономической политики // Вопросы истории КПСС. – 1966. – № 5. – С. 128-132; Дмитренко В.П. Проблемы НЭПа в советской

очерках¹. «Военный коммунизм» и нэп в литературе стали рассматриваться как закономерный этап при переходе от капитализма к социализму.

На научных конференциях подчеркивалась необходимость углубленного изучения всего комплекса вопросов, связанных с проведением социалистических преобразований в 1920-е гг.² Появились крупные исследовательские работы, без которых почти невозможно представить советскую историографию «военного коммунизма» и нэпа. Это монографии Е.Г. Гимпельсона, В.П. Данилова, В.П.Дмитренко, И.Е. Зеленина, М.П. Кима, В.В. Кабанова, Т.В. Осиповой, П.Н. Першина, Ю.А. Полякова, В.М. Селунской, Г.В. Шарапова и других авторов³.

Учеными были сделаны попытки переосмыслить фактический материал и теоретические воззрения по национальному вопросу, господствовавшие в предыдущий период развития⁴. Много внимания уделялось критике «буржуазных фальсификаций национальной политики Советского Союза»⁵.

Появилось немало книг по истории Чувашии, выполненных в русле официальной советской историографии⁶. Историки приступили к изучению возникновения Советов рабочих и крестьянских депутатов как органов

историографии 1960-1970-х годов // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. – М., 1974. – С. 260-302; **Данилов В.П.** НЭП и его судьба// Историки спорят. Тринадцать бесед. – М., 1988. – С. 122-190.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. В 5-и тт. – М., 1955-1985; Историография истории СССР (эпоха социализма). – М., 1982; Советская историография. – М., 1996; и др.

² Историческое значение новой экономической политики (в связи с 50-летием перехода к нэпу). Всесоюзная сессия: материалы обсуждения. Вып. I - II. – М., 1971; Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. – М., 1972; Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. – М., 1974; Историческое значение нэпа. – М., 1990; и др.

³ **Данилов В.П.** Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977; **Он же.** Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. – М., 1979; **Дмитренко В.П.** Переход к новой экономической политике. – М., 1980; **Он же.** НЭП и построение социализма в СССР. – М., 1981; **Кабанов В.В.** Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». – М., 1988; **Осипова Т.В.** Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. – М., 1974; **Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В.** Новая экономическая политика. Разработка и осуществление. – М., 1982; **Сергеев Г.С.** Социально-экономические проблемы развития деревни и ее социалистического переустройства (1921-1937). – Калинин, 1974; **Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М.** Крестьянство России в период трех революций. – М., 1986; и др.

⁴ **Чистяков О. И.** Становление Российской Федерации. – М., 1966; **Ирошников М.П.** Создание Советского центрального государственного аппарата. Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты (октябрь 1917 г. – январь 1918 г.). – Л., 1967; **Тадевосян, Э.В.** В.И. Ленин о государственных формах разрешения национального вопроса. – М., 1970; **Златопольский Д.Л.** Национально-государственное устройство СССР. – М., 1977; **Тимофеев П.Т.** Формирование национальных кадров рабочего класса СССР. – М., 1982.

⁵ **Баграмов Э.А.** Национальный вопрос и буржуазная идеология. – М., 1966; **Зенушкина И.С.** Советская национальная политика и буржуазные историки. – М., 1971; **Грошев И.И.** Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС. – М., 1974; и др.

⁶ Чувашия АССР к 40-летию Советской власти: Сб. статей. – Чебоксары, 1957; Чувашия АССР – 50 лет: Сб. статей. – Чебоксары, 1970; Чувашия АССР – 60 лет: Сб. статей. – Чебоксары, 1980; Чувашия АССР – 70 лет: Сб. статей. – Чебоксары, 1990.

диктатуры пролетариата¹. В книге В.Г. Тимофеева освещались вопросы создания чувашской государственности². Исследователи не могли прийти к единому мнению по вопросу формирования чувашской нации. И.Д. Кузнецов, признавая развитие торгового капитализма, городов и наличие пролетариата в крае, считал, что к 1917 г. чувашская нация уже сформировалась. Он подвергал резкой критике позицию эсеров, объективно имевших огромное влияние в многонациональном сельскохозяйственном регионе.

Итоги восстановления экономики автономии и реализации национальной политики даны в соответствующих главах обобщающих работ по истории промышленности и рабочего класса³, сельского хозяйства и крестьянства⁴, образования и культуры чувашского народа⁵, а также во втором томе «Истории Чувашской АССР»⁶ и в очерках истории Чувашской областной партийной и комсомольской организаций⁷, отразивших высшую степень идеологизации и политизации исторической науки. В них подчеркивается эффективность всех мер правящей партии по восстановлению экономики и культуры автономии. В трудах историографического характера подводились итоги и намечались перспективы изучения проблематики⁸.

¹ **Петров И.Е.** Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. – Чебоксары, 1961; **Кузьмин В.Л.** Крестьянское движение в Чувашии в период подготовки Октябрьской революции (март-октябрь 1917 г.). – Чебоксары, 1957; **Артемьев С.А.** Советы рабочих и крестьянских депутатов Чувашии в 1917-1918 гг. – Чебоксары, 1965; **Румянцев М.В.** Рождение Советской власти в Чувашии. – Чебоксары, 1966.

² **Тимофеев В. Г.** Создание государственности чувашского народа. – Чебоксары, 1987.

³ **Изоркин А.В.** Промышленность Чувашии в первые годы Советской власти // История промышленности и рабочего класса Чувашии. Часть первая. 1861 г. – июнь 1941 г. – Чебоксары, 1978. – С. 68-104; **Иванов Г.И., Изоркин А.В., Хаймулин С.Н.** В братской семье равноправных наций. Там же. С. 105-125.

⁴ **Изоркин А.В.** Сельское хозяйство и крестьянство Чувашии в период Октябрьской революции и гражданской войны // Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Часть первая. Чебоксары, 1989. – С. 45 – 82; **Шорников А.М.** Чувашская деревня в условиях новой экономической политики и восстановления народного хозяйства (1921-1927 гг.). – Там же. – С. 83-118.

⁵ **Маркелов И.А.** Культура возрожденного народа. – Чебоксары, 1969; **Михайлов П.М.** Культурная революция в Чувашии. – Чебоксары, 1957; **Сергеев Т.С.** Социалистическая культура Чувашии. – Чебоксары, 1984.

⁶ История Чувашской АССР. Том второй. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. – Чебоксары, 1967.

⁷ Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. – Чебоксары, 1974; Очерки истории Чувашской Чувашской областной организации ВЛКСМ. – Чебоксары, 1978.

⁸ **Кузнецов И.Д.** Очерки по истории и историографии Чувашии. – Чебоксары, 1960; Вопросы истории и историографии чувашского народа: сб. статей. Вып. 1 – 2. – Чебоксары, 1973 – 1979; **Хаймулин С.Н.** Исследования по вопросам истории промышленности и рабочего класса Чувашии. (Краткий историографический обзор) // История, археология и этнография Чувашской АССР. – Чебоксары, 1975. – С. 103-140; **Кузьмин В.Л.** Историография истории Советской Чувашии. – Чебоксары, 1977; Развитие общественных наук в Чувашии за годы Советской власти // Труды ЧНИИ. Вып. 100. – Чебоксары, 1980.

В зарубежной литературе в этот период появилось новое направление исследования – крестьяноведение, которое во многом базировалось на теоретическом наследии выдающихся отечественных ученых. Западные исследователи – Т. Шанин, М. Левин, Р. Сиви, Дж. Скот и другие, сравнивая историю крестьянских обществ России и других государств, пришли к выводу об обреченности крестьянского мира стран, вставших на путь рыночной экономики, исчезнуть под натиском промышленной революции¹.

Современный период историографии фактически начался с кризиса и распада СССР, который явился полной неожиданностью для абсолютного большинства как отечественных, так и зарубежных ученых. Это свидетельствует о крайней сложности познания сути советской системы, созданной в 1920-е гг. Исследователи, верно схватывая ее отдельные черты и тенденции, не нашли ключ к разгадке советского феномена, оказались некомпетентными в определении формулы советской истории, в изучении противоречивых процессов, происходивших в советском обществе².

Несмотря на разницу взглядов, ученые едины в том, что научное осмысление проблем «военного коммунизма» и нэпа позволяет глубже понять неизбежность краха советского строя и перехода страны на общемировой путь становления демократического общества, основанного на рыночной экономике и частной собственности.

Актуальные проблемы истории советской национальной и социально-экономической политики анализировались на международных и всероссийских научных конференциях, особенно по нэповской тематике³.

¹ Подробнее см.: Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: пер. с англ. / Сост. Т. Шанин. – М., 1992.

² **Игрицкий Ю.И.** Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 3-23; «Круглый стол». Советское прошлое: поиски понимания // Отечественная история. – 2000. – № 4. – С. 90-120; № 5. – С. 85-104; **Кудров В., Тремль В.** Достоинства и недостатки западной экономической советологии // Вопросы экономики. – 2000. – № 1. – С. 64-89; **Солнцева С.А.** Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 3-16; Российские революции: 90 лет спустя. «Круглые столы» в Институте российской истории РАН // Отечественная история. – 2008. – № 6. – С. 167-212.

³ Нэп: Взгляд со стороны. – М., 1991; Россия нэповская: политика, экономика, культура. – Новосибирск, 1991; Нэп. Приобретения и потери. – М., 1994; Нэп: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. – М., 1998; Нэп в контексте исторического развития России XX века. – М., 2001; НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М., 2006.

Вышло немало солидных монографий и публикаций¹, авторы которых стремятся к «объемному» видению советского общества.

Ученые указывают на важность изучения сущности советской хозяйственной системы², «национальных» рецептов социалистической модернизации³, трансформации собственности⁴, а также проблем повседневности⁵ и бедности⁶ населения. В этой связи подчеркивается обреченность исторического рывка от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию, несостоятельность тотального огосударствления, ликвидации частной собственности, подавления инакомыслия, милитаризации, сводящих на нет реализацию социалистических идеалов.

Дискуссионный характер носит проблема путей аграрного реформирования России в послереволюционный период. Историки (В.П. Данилов, Н.Я. Гущин и др.) считают несостоятельным вывод о полной исчерпанности поступательного развития мелкотоварного крестьянского хозяйства. Его потенциал не позволила развивать политика коммунистической партии, направленная на ограничение хозяйственной деятельности состоятельных хозяйств и «фаворитизацию» бедноты⁷. По мнению В.В. Кабанова, Э.М. Щагина и др., не было никаких альтернативных

¹ **Виноградов С.В.** Нэп: опыт создания многоукладной экономики. – М., 1996; **Шишкин В.А.** Власть, политика, экономика. Послереволюционная Россия (1917-1928 гг.). – СПб., 1997; **Орлов И.Б.** Новая экономическая политика: История, опыт, проблемы. – М., 1999; **Назаров О.Г.** Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях нэпа. – М., 2000; **Грик Н.А.** Советская экономическая политика в 1921-1933 гг.: (Критический анализ). – Томск, 2002; **Люттов Л.Н.** Обреченная реформа. Промышленность России в эпоху нэпа. – Ульяновск, 2002; Россия нэповская / Рук. авт. коллектива С.А. Павлюченков. – М., 2002; **Гимпельсон Е.Г.** НЭП. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). – М., 2004; **Бабашкин В.В.** Россия в 1902-1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. – М., 2007; и др.

² **Вишневецкий А.Г.** Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М., 1998; **Рязанов В.Т.** Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв.- СПб., 1999; **Смирнов В.В.** Экономические причины краха социализма в СССР // Отечественная история. – 2002. – № 6. – С. 91-106.

³ **Красовицкая Т.Ю.** Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. – М., 1998.

⁴ Собственность в XX столетии. – М., 2001.

⁵ **Поляков Ю.А.** Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. – 2000. – № 3. – С. 125-132.

⁶ **Локшин М.** Использование научного метода в российских исследованиях в области бедности // Вопросы экономики. – 2008. – № 6. – С. 44 – 60.

⁷ **Фигуровская Н.К., Глаголев А.И.** А.В. Чайнов и его теория семейного трудового хозяйства // Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство. – М., 1989; **Гущин Н.Я.** Социальные формы сельскохозяйственного производства в сибирской деревне в условиях нэпа: соотношение и эффективность // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. – М., 1995; **Данилов В.П.** Аграрные реформы и крестьянство России (1861-1994 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – М., 1995; **Он же.** К проблеме альтернатив 20-х годов // Этот противоречивый XX век. – М., 2001. – С. 219-228; и др.

путей развития сельского хозяйства, кроме насильственной коллективизации. Развитие нэпа неизбежно привело бы к реставрации капитализма. В этом главная причина свертывания нэпа сталинским руководством страны¹.

После распада СССР актуальной задачей стало критическое осмысление политики и практики национально-государственного строительства², пересмотр устоявшихся концепций, что способствовало обогащению теории этносов и наций³. Исследователи отмечают трагическое положение «безгосударственных» народов («налог кровью»), наличие реальной угрозы их исчезновения в случае отсутствия собственного государства⁴, указывают на опасность использования этнократами национальных интересов для достижения политических целей⁵.

По мнению некоторых ученых, право наций на самоопределение привело не к интеграции народов, а к их неравноправию и разобщенности, поскольку обратной стороной национально-государственного строительства стал рост сепаратизма и национализма⁶.

Отдельными исследователями отрицалось федеративное государственное устройство страны, ибо она включала различные по статусу союзные, автономные и национально-территориальные образования. Фактически СССР – это «специфическое коммунистическое изобретение, обусловленное

¹ **Кабанов В.В.** Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. – 1993. – № 2; Он же. Кооперация, революция, социализм. – М., 1996; Он же. Крестьянская община и кооперация России XX века. – М., 1997; **Роголина Н.Л.** Реформаторство XX века и крестьянский менталитет // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). – М., 1996; **Шагин Э.М.** Альтернатива «революции сверху» в советской деревне конца 20-х годов: суждения и реальность // Власть и общество России. XX век: сб. науч. трудов. – М., Тамбов, 1999; и др.

² **Сахаров Н.А.** Институт президентства в современном мире. – М., 1994; **Мухаметшин Ф.Х.** Республика Татарстан от референдума до договора. – Казань, 1995; Государственное устройство и народ. Диалог мировоззрений. – Н. Новгород, 1997; **Филиппов Н.К.** Российский федерализм и конституционная власть республик. – Чебоксары, 1998; **Петровский В.В.** Этнос и политика на исчезающем постсоветском пространстве. – Харьков, 2005; и др.

³ **Бромлей Ю.В.** Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. – М., 1988; **Абдулатипов Р.Г.** Заговор против нации. Национальное и националистическое в судьбах народов. – СПб., 1992; **Арутюнян Ю.В.** Этносоциология. – М., 1999; **Здравомыслов, А.Г.** Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1999; **Дробижина Л.М.** Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей. – М., 2000; **Кокшаров Н.В.** Нация. Национализм. Этничность. Мультикультуризм. – СПб., 2005; **Тишков В.А.** Этнология и политика: статьи 1989-2004 гг. – М., 2005; и др.

⁴ **Национальные истории** в советском и постсоветском государствах. – М., 1999.

⁵ **Тощенко Ж.Т.** Этнократия: История и современность. Социологические очерки. – М., 2003.

⁶ **Козлов В.И.** Этнос. Нация. Национализм. – М., 1999.

соответствующей идеологией»¹. В то же время многие ученые указывали на закономерный характер образования федерации советского типа. Как можно считать РСФСР унитарным государством при наличии в ней 31 автономного образования, 16 из которых имели национально-государственный статус?² Они отмечают наличие множества трудноразрешимых проблем во взаимоотношениях центральной власти, вынужденной признавать самостоятельность местных властей, и региональной, обреченной действовать только в коридоре возможностей, установленных Центром³.

В историографии нашла отражение и проблема национализма, который рассматривается как деструктивное явление, отрицательно влияющее на общество. Выделялись его западный и восточный варианты, этнический, державно-государственный и бытовой его типы⁴. Историками наличие выраженного националистического настроения среди русских отмечалось лишь в высших слоях населения и части интеллигенции⁵. В этой связи они обратились к теме русской национальной партии, возникшей в начале XX в.⁶

Оценка достижений отечественных историков в изучении всего комплекса проблем «военного коммунизма» и нэпа показана в историографических работах И.Б.Орлова и других авторов⁷. Основные перспективы их изучения заключаются в системном подходе, в отказе от общих «схем» и обращении к

¹ Лукьянова Е.А. Государственность и конституционное законодательство России: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. – М., 2003. – С. 22.

² Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное обустройство России. – М., 2000; Гросул В.Я. Образование СССР (1917-1924 гг.). – М., 2007; и др.

³ Лексин В.Н. Федеративная Россия и ее региональная политика. – М., 2008.

⁴ Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы. – М., 1994. – С. 86; Нации и национализм. – М., 2002; Ипполитова А.Г. Семантика национализма в культуре современной России. – СПб., 2006; и др.

⁵ Сахаров А.Н. Основные этапы и особенности русского национализма // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. – М., 1999. – С. 19-31.

⁶ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX вв. – М., 1996; Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. – М., 2001.

⁷ Маслов Д.В. Историографические и методологические основы исследования состояния советской системы. – Сергиев Посад, 2004; Орлов И.Б. Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. – 1999. – № 1. – С. 102 – 116; Он же. Нэп в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М., 2006. – С. 33-55; Сенявский А.С. Новая экономическая политика: современные подходы и перспективы изучения. – Там же. – С. 5-26; Магомедов Р.Р. Продовольственная политика Советского государства в первые годы советской власти в оценке советской исторической науки // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII-XX веках: проблемы источников и историографии. – Оренбург, 2007. – С. 189-196; Савельев С.И. Некоторые вопросы состояния и перспектив постсоветской отечественной историографии проблем аграрной политики в России 20-х – 30-х годах XX века. Там же. – С. 293-298.

региональному уровню исследования, способному воссоздать советскую реальность во всем ее многообразии и противоречивости.

Взаимоотношение власти и крестьянства в годы «военного коммунизма» и нэпа стали предметом обсуждения на научно-практических конференциях историков Поволжья¹. Появились солидные монографии² и диссертационные исследования³ по малоизученным вопросам нэповской реальности в поволжском регионе – быта, культуры, ментальности, повседневности.

Историки Чувашии занялись изучением становления сельскохозяйственной кооперации, влияния налогово-кредитной политики государства на развитие крестьянского хозяйства, роста сопротивления населения в ответ на репрессивную политику советской власти, демографических последствий голода 1921-1922 гг.⁴ Не осталось без внимания и производство самогона крестьянами как реакция на введение продовольственной диктатуры⁵.

¹ Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 2002; Крестьянство и власть Среднего Поволжья. – Саранск, 2004; Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. – М., 2005; Взаимоотношения города и деревни. – Йошкар-Ола, 2008; и др.

² **Федорова Н.А.** Сельское население Среднего Поволжья накануне коллективизации (опыт социодемографического изучения). – Казань, 1990; **Апайчева И.А.** Хозяйственное взаимодействие республик Среднего Поволжья в годы НЭПа: История, опыт, проблемы. – Казань, 1993; **Лютов Л.Н.** Частная промышленность в годы НЭПа (1921-1929 гг.). – Саратов, 1994; **Он же.** Государственная промышленность в годы НЭПа. – Саратов, 1996; **Марискин О.И.** Государственное тягло: налогообложение крестьянства России во второй половине XIX -первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). – Саранск, 2004; и др.

³ **Кочepasова Т.Ю.** Развитие культуры в Среднем Поволжье. 1921-1925 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. - Ульяновск, 1997; **Лютов Л.Н.** Реформирование промышленности России в годы НЭПа (1921-1929 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. – Саратов, 1997; **Чуканов И.А.** Финансовая политика местных органов власти Среднего Поволжья (ноябрь 1917-1929 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2001; **Столярова Г.Р.** Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана: дис. ... д-ра ист. наук. – Чебоксары, 2004; **Шайдуллин Р.В.** Крестьянство Татарстана: экономический и общественно-политический аспекты (1920-1929 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук.- Казань, 2004; **Надькин Т.Д.** Аграрная политика Советского государства и крестьянство в конце 1920 – начале 1950-х гг. (по материалам Мордовии): Дис. ... д-ра ист. наук. – Саранск, 2007; **Минеева Е.К.** Становление Марийской, Мордовской и Чувашской автономий в 20-30-е годы XX века: Дис. ... д-ра ист. наук. – Чебоксары, 2008; **Гатауллина И.А.** Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики: Социально-экономические процессы и повседневность: Дис. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2009.

⁴ **Вязова О.Г.** Сельскохозяйственная кооперация Чувашии в годы новой экономической политики // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 342-350; **Ефрина Т.В.** Социально-экономические проблемы крестьянства в 1920-е годы: макроуровневый анализ // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. – Саранск, 2004. – С. 303-326; **Касимов Е.Г.** Государственная политика развития производственной кооперации в сельском хозяйстве Чувашии в 1918-1929 гг. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. IV. – Чебоксары, 2006. – С. 16-70; **Михайлов В.М.** Демографические последствия голода 1921 года в Чувашской автономной области. – Там же. – С. 71-78.

⁵ **Панин СЕ.** Крестьянство и самогон в Среднем Поволжье в 1920-е гг. // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. – Саранск, 2004. – С. 322-328; **Орлов В.В.** Пьянство как фактор межкультурного диалога между городом и селом в 1920-е годы (На примере Чувашии) // Тезисы выступлений на XXI Всероссийской конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 2008.

Э.В. Никитина, исследуя сущность и особенности чувашского этноменталитета, к числу общепризнанных отличительных характеристик чувашей обоснованно отнесла трудолюбие, коллективизм, основательность, толерантность, гостеприимность, коллективизм, непритязательность, честность, законопослушность. Автор верно отметила, что присущие им скромность, скупость, завистливость, упрямство и скрытность закрепились веками в условиях окружения воинственными народами, усиливались малоземельем и крайне слабой материальной обеспеченностью¹.

Зарубежные исследователи, изучая механизм работы советской экономической системы, указывали на отсутствие у нее внутренних импульсов и критериев эффективности, конфликтный и запаздывающий характер трансформации под влиянием глобальных тенденций рыночной экономики². В их труды прочно вошёл в оборот термин «крестьянская война»³. Земельный вопрос рассматривался в качестве основного элемента в национальном движении народов в начальные годы советской власти⁴.

Пороки советской системы они видели в том, что большевики захватили власть по наполеоновскому принципу: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет», не считаясь с отсутствием для этого объективных социальных и экономических условий. Ставка В.И. Ленина на личные качества вождей коммунистической партии и установление союза рабочего класса и крестьянства оказалась неверной. Словом, нэп – отклонение, а сталинский социализм – норма⁵.

Таким образом, анализ литературы показал отсутствие обобщающего конкретно-исторического исследования, охватывающего в целом историю

¹ Никитина Э.В. Чувашский этноменталитет: сущность и особенности. – Чебоксары, 2005. – С. 149-168.

² Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. – М., 2006; Грегори П. Политическая экономия сталинизма / Пер. с англ. – М., 2006; и др.

³ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. – М., 2001.

⁴ Смит Д. Национальное строительство и национальный конфликт в СССР в 1920-е годы // Россия в XX веке: реформы и революция. – М., 2002. – Т. 2. – С. 145-146.

⁵ Боффа Дж. История Советского Союза / Пер. с итальян. – М., 1994; Верг Н. История Советского государства / Пер. с фр. – М., 1998; Малин М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917-1991 / Пер. с англ. – М., 2002; Коэн С. «Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза? – М., 2007; Левин Моше. Советский век / Пер. с англ. – М., 2008; и др.

этнополитического и социально – экономического развития Чувашии 1920-е гг., выполненного на обновленной методологической основе.

В третьем параграфе «Источниковая основа диссертации» дана критическая характеристика документальных материалов с позиций их достоверности и репрезентативности в целях получения объективной информации и формулирования научных выводов и обобщений¹.

Основой исследования стали неопубликованные и рассекреченные архивные документы 7 архивов, отнесенные к первой группе источников. В *Государственном архиве РФ* в фонде Р-259 содержится огромный пласт информации, касающийся деятельности федерального правительства, в т.ч. и по узловым вопросам развития экономики и социальной сферы Чувашии. В фонде Р-262 тщательно изучены документы Госплана РСФСР, итоговые материалы обследования производительных сил региона, генеральные планы развития сельского хозяйства, ценовой и мелкой кустарной промышленности. В фонде Р-2306 накоплен материал, касающийся деятельности Наркомата просвещения РСФСР и его местных структурных подразделений. В фонде наркомата здравоохранения РСФСР (Р-482) наиболее ценными являются материалы о борьбе с такими социальными болезнями, как трахома, туберкулез, сифилис, а также сведения о рождаемости, смертности и естественном приросте населения.

Значительную помощь в исследовании оказали материалы фонда Административной комиссии ВЦИК (Р-5677). Протоколы заседаний специальных комиссий, ходатайства жителей населённых пунктов, обращения спорных сторон, проекты и постановления об изменении территории дают наглядное представление о сложности проблемы установления и уточнения границ между автономиями. Без анализа материалов фонда ЦСУ СССР (Р-1562) представление о результатах деятельности властей было бы далеко не полным. Документы высших органов власти раскрывают стратегические задачи аппарата управления, позволяют моделировать единый образ национальной и социально-экономической политики Советского государства.

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. – М., 1998; Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник. – М., 2004.

В Государственном архиве экономики (РГАЭ) изучены документы Наркомата финансов СССР (Р-7733). Наиболее важными являются протоколы заседаний коллегии наркомата, материалы инспекторских проверок соответствующих финансовых подразделений автономии, отчеты по выполнению местного и федерального бюджета.

Богатством информации отличаются документы *Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)*. Все основополагающие и принципиальные решения центральных органов власти и управления содержатся в протоколах заседаний Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК РКП (б) – ВКП (б) (Ф.17). Картину органично дополняют справки и доклады информаторов ЦК партии о деятельности руководства Чувашской областной партийной организации. В них дана негативная характеристика всем лидерам противоборствующих группировок, обозначены способы разрядки внутрипартийной напряженности, указаны пути преодоления кризиса власти в автономии. В фонде Центральной контрольной комиссии РКП (б) (Р-613) имеются сведения об исключении коммунистов из рядов партии за различные проступки, данные о чистке рядов партии, дела об апелляции коммунистов.

В соответствии с темой исследования изучены материалы 25 фондов архивохранилищ Чувашии. История национального и социально-экономического развития Чувашии емко отражена в фондах *Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР)*. К числу наиболее ценных относятся документы и материалы Революционного комитета Чувашской автономной области (Р-3), Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ЧАО (Р-125), Центрального исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской АССР (Р-202), Совета Министров Чувашской АССР (Р-203). Протоколы, стенограммы заседаний, циркулярные указания и постановления высших органов управления, отчеты, сметы расходов бюджета доказывают неэффективность основных мер по выходу из системного кризиса, предлагаемых властями автономии, за счет массового переселения населения, расширения территории и получения финансовой помощи из Центра.

Эта информация органично дополняется материалами Чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР (Р-499), административного отдела областного исполнительного комитета (Р-22), представительства ЧАССР при Президиуме ВЦИК (Р-147), уездных исполнительных комитетов: Чебоксарского (Р-7), Цивильского (Р-194), Ядринского (Р-238), Батыревского (Р-611) и Алатырского (Р-244), которые показывают крайнюю озабоченность местных властей кризисным состоянием народного хозяйства, поисками мер его оздоровления.

Необходимыми в плане изучения состояния государственной системы управления, восстановления народного хозяйства стали фонды отдела рабоче-крестьянской инспекции ЧАО (Р-12) и Наркомата РКИ ЧАССР (Р-354). Разбор дел по заявлениям и жалобам на действия должностных лиц, акты ревизий предприятий и организаций демонстрируют удручающую картину повседневной жизни населения, безысходность бытия, рост конокрадства и самогоноварения, волокиту и бумаготворчество в органах местной власти.

Документы фондов инспекции лесов (Р-522) и лесозаготовительного треста «Чувашлес» (Р-222) указывают на увеличение трудностей в обеспечении населения дровами, а промышленности – сырьем не только из-за отхода левобережных земель в состав Марийской области, но и бюрократизации аппарата власти. Цифровые сведения об итогах восстановления промышленности и сельского хозяйства, материалы переписей населения, содержащиеся в фонде статистического бюро ЧАО (Р-1693) и Статистического управления Чувашской АССР (Р-872), нуждаются в критическом анализе. Поскольку статистика была одной из наиболее закрытых и управляемых областей советской науки и практики.

К числу наименее использованных историками источников относятся материалы финансового отдела ЧАО (Р-62) и министерства финансов Чувашской АССР (Р-18). Финансово-экономические обзоры, сведения о поступлении налогов, журналы проверок торгово-промышленных предприятий, годовые сметы доходов и расходов, доклады и отчеты о деятельности финансовых органов убедительно доказывают, что в сложившихся конкретных исторических условиях от руководителей

автономии требовалось не проявления революционной риторики, а умения налаживать производительную работу предприятий, кооперативов и крестьянских хозяйств.

В диссертации широко использованы документы *Государственного архива современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР)*, где в 2870 фондах хранятся свыше 530 тыс. единиц хранения. Основные документальные комплексы сосредоточены в фонде областной и республиканской партийной организации (Ф. П–1). Рассекреченные документы не оставляют сомнения в том, что партийные органы владели подробной информацией о критическом положении автономии и росте антисоветских настроений в связи с восстанием в январе 1921 года, голодом, безработицей и массовым обнищанием населения. Без фиксации ОГПУ не остались анекдоты, частушки, антисоветские высказывания, расшифровка чувашскими студентами ВКП(б) как «второе крепостное право большевиков» и т.д.

Диссертантом изучены материалы 5 уездных комитетов коммунистической партии: Чебоксарского (Ф.П.–10), Цивильского (Ф.П.–9), Алатырского (Ф.П.–8), Ядринского (Ф.П.–11) и Батыревского (Ф.П.–83). В протоколах уездных партийных конференций и пленумов имеются важные сведения о ликвидации неграмотности населения, сбору оружия у населения, изъятии церковных ценностей, донесения о ходе кулацких восстаний, а также списки голодающих детей за 1922-1925 гг.

В научном архиве *Чувашского государственного института гуманитарных наук (Отд. II)* изучены статистические справочники и материалы, изданные с грифом «для служебного пользования», а также документы из личных фондов Д.С. Эльменя, Л.М. Лукина, С.П. Коричева и др. активных деятелей по организации Чувашской автономии.

Достоверность научных выводов и положений диссертации обеспечивалась за счет сопоставления, систематизации и обобщения сведений из корпуса опубликованных источников, особенно последних лет¹,

¹ Большевицкое руководство: Переписка. 1912-1927. – М., 1995; Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1931 гг. – М., 1998; Индустриализация Советского Союза: Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Ч. I. – М., 1997; Ч. II. – М., 1999; Трагедия советской деревни.

без серьезного и кропотливого анализа которых исследование ключевых проблем истории советского общества является неправомерным¹.

Опубликованные материалы разделены на следующие **группы**: законодательные и нормативные акты; статистические материалы и данные; делопроизводственные документы; периодическая печать; материалы личного происхождения. Нормативно-правовые документы высших партийных и государственных органов стали основным материалом для характеристики стратегического курса и базовых принципов национальной и социально-экономической политики Советского государства. При обращении к статистическим материалам необходимо соблюдать критический подход, поскольку многие данные не являются достоверными, в них занижалась смертность населения из-за репрессий, голода, эпидемий. Статистические сборники предоставили возможность получить сравнительный материал по территории, населению, миграции, промышленности, сельскому хозяйству, торговле и кооперации, культуре и образованию и др. Делопроизводственная документация, основу которой в исследовании составляли политические обзоры и аналитические сводки ОПТУ, отражают сложную обстановку в стране, рост протестных настроений среди крестьян, рабочих и военнослужащих. Воспоминания участников событий 1920-х гг., непосредственно относившиеся к становлению Чувашской автономии, хотя и отличаются высокой степенью субъективизма, но дают бесценный материал о быте, моральных, нравственных и деловых качествах людей, межличностных взаимоотношениях.

Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5-и т. 1927-1939. Т.1. (май 1927 – ноябрь 1929 г.). – М., 1999; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). – М., 2001; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т.1. 1918-1922. – М., 1999; Т.2. 1923-1929. – М., 2000; Письма во власть. 1917-1927. – М., 1998; Письма во власть. 1928-1939 гг.: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. – М., 2000; Как ломали НЭП: Стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б). 1918-1929 гг. В 5-и т. – М., 2000; и др.

¹ Власть и советское общество в 1917-1930-е годы: новые источники // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 129-142; **Рогалина Н.Л.** Аграрная история СССР 1920-х – 1930-х гг. в свете новых документальных публикаций // Экономическая история: Ежегодник. 2005. – М., 2005. – С. 409-423; **Она же.** Нэп в свете современных документальных публикаций // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М., 2006. – С. 56-72.

Первые шаги в становлении Чувашской автономии получили освещение в центральной периодической печати – в газетах «Правда», «Беднота», «Известия», а также в местной периодике – в газетах и журналах «Канаш» (Совет), «Известия Ревкома ЧАО», «Красная Чувашия», «Чувашское хозяйство» и др. Они содержат много ценного материала, свидетельствующего о сложностях и противоречиях трансформации мироощущения человека традиционного общества под прессингом коммунистической идеологии и практики в целях форсированного строительства нового социалистического общества.

Таким образом, методологический, историографический и источниковедческий синтез позволяет глубже проникнуть в сущность явлений и в полной мере достичь поставленной цели и решить исследовательские задачи.

Во второй главе «Этнополитическое развитие Чувашской автономии: теория и практика осуществления» исследованы противоречия, особенности и основное содержание этапов реализации национальной политики советской власти на региональном уровне.

В первом параграфе «Особенности формирования политической элиты Чувашии» показан, что в дореволюционный период у чуваш шел эволюционный процесс формирования деловой элиты¹, а становление политической элиты у них началось лишь после октябрьской революции 1917 г., в то же время завершилась история «капитанов» бизнеса. В царское время чувашаи, не имея национальной государственности, находились под административным управлением русских. В 1897 г. их доля, как и других «инородцев» Среднего Поволжья, в органах государственной власти была в 6 с лишним раз меньше, чем русских².

Отличительной особенностью Чувашской областной партийной организации, члены которой претендовали на занятие ключевых постов в автономии, являлось преобладание лиц чувашской национальности (82%),

¹ Орлов В.В. Деловая элита Чувашии в конце XIX – начале XX вв. - Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития. - Чебоксары, 1998. – С. 188 – 212.

² Николаев Г.А. Сельское народонаселение Казанской и Симбирской губерний в конце XIX – начале XX веков // Состав и положение населения Чувашии в XVIII – начале XX веков. – Чебоксары, 1990. - С. 91 – 92.

выходцев из крестьян (70,8%), незначительность удельного веса рабочих (менее 10%), доминирование неграмотных. Партийно-хозяйственный актив, куда включались и представители федеральных органов власти в автономии, составлял примерно 8-10% областной партийной организации. Эта руководящая элитная часть общества была представлена в номенклатуре, она обладала монополией на власть и опиралась в своей деятельности на военно-политические и репрессивные органы.

Формирование политической элиты в форме партийного аппарата создавало, наряду с огосударствлением партии, условия, при которых элементы открытой политической конкуренции становились излишними. Чуваши среди членов обкома партии составляли 92%, в составе уездных комитетов партии – примерно 80-87%, что намного больше «националов» в партийных органах Башкирии, Немцев Поволжья, Коми, Карелии, Казахстана и др.¹

Либерализация военно-коммунистического строя в годы нэпа привела к поляризации доходов между партийными «верхами» и «низами». Рядовые коммунисты по уровню жизни ничем не отличались от массы бедняков и батраков. Материальная обеспеченность номенклатурных работников оказалась гораздо выше, что диктовало им свой кодекс поведения. Хозяйственное обрастание, строительство особняков, пьянство, волокита, бумаготворчество, сбор компромата, высокомерно-чванливое отношение к рабочим и крестьянам, подтасовка фактов, клевета, взаимное подсиживание свидетельствовали о назревании конфликта в руководящем звене общества, создавали опасность кризиса компартии, ее идеологии и практики.

В Чувашской партийной организации шла постоянная борьба за власть: за неполных шесть лет сменилось девять ответственных секретарей обкома партии. В ней выделялись три группировки: «казанская» во главе с Д.С.Эльменем и «симбирская» под началом Г.С. Савандеева состояли преимущественно из представителей титульной нации. «Деловые», куда входили русскоязычные ответственные работники, не выступали в роли «арбитра» в спорах между чувашскими коммунистами, но старались «бить на

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 395. Л. 22.

два фронта». Наиболее ожесточенная борьба между ними происходила на II-м Всероссийском съезде чувашских коммунистов в июне 1921 г. и на пленуме обкома партии в мае – июне 1926 г. Ситуацию удавалось стабилизировать только после вмешательства ЦК ВКП (б).

Руководящая политическая элита Чувашии не могла выбрать из своей среды авторитетного и компетентного лидера. Общим требованием всех противоборствующих группировок стало приглашение на должность ответственного секретаря Чувашского обкома партии представителя «со стороны» из ЦК ВКП (б). В ноябре 1926 г. им стал С.П. Петров, ранее работавший в Самарской партийной организации. Он, будучи «варягом», стремился решить кадровые вопросы преимущественно исходя из профессиональных качеств, а не кланового характера.

Кризис власти являлся одной из основных причин того, что народное хозяйство Чувашии и к концу 1920-х гг. не вышло из состояния упадка. «Временщики» не имели никакого авторитета в центральных органах управления. Поэтому на низком профессиональном уровне решались ключевые для Чувашии проблемы, связанные с изменением ее статуса, расширением административно-территориальных границ, финансированием программ социально-экономического развития.

Во втором параграфе «Выбор стратегии этнополитического и социально-экономического развития Чувашии» показан, что в 1920-е гг. в ходе открытых дискуссий шел поиск наиболее рациональной формы территориальной организации хозяйства. Провалом закончились попытки центральной власти вести новую сетку экономического районирования, разработанную Госпланом, без учета требований национально-территориальных образований. Лидеры автономных республик и областей отстаивали право сохранения своих границ, территории и статуса при экономическом районировании.

Руководство Чувашии не имело единого мнения в вопросе ее горизонтального позиционирования. Присоединение к Центрально-промышленному району обуславливалось необходимостью форсированной индустриализации автономии. В условиях игнорирования центральными

органами власти насущных нужд и требований населения определенная часть политической элиты добивалась сохранения Чувашии как самостоятельного экономического района. Решающими факторами при ее включении состав Средне-Волжской или Волго-Камской областей стали согласие и поддержка региональными лидерами инициатив властей Чувашии по расширению территории и изменению статуса автономии.

Руководство Чувашии не демонстрировало единства также в вопросе выбора стратегии социально-экономического развития. Большинство ее лидеров принадлежало к числу сторонников приоритетного развития аграрного сектора экономики. Необходимость возрождения промышленности отстаивали лишь директора государственных предприятий и отдельные партийные работники. Сторонники альтернативных взглядов отдавали предпочтение возрождению мелкого кустарного производства.

Федеральные органы власти главенствующее место в экономике автономии отводили сельскому хозяйству, тем самым признавая место Чувашии в общесоюзном разделении труда как поставщика сельскохозяйственной продукции и дешевой рабочей силы. Второе место в своеобразной иерархии направлений социально-экономического развития республики они отводили кустарному производству. Фабрично-заводская промышленность в их понимании имела в автономии лишь вспомогательное значение, играя роль своеобразного рычага для восстановления сельского хозяйства. Аграрная стратегия развития автономии, выбранная центральными органами вопреки решениям XIV съезда партии об индустриализации страны, предопределила стадиальное отставание Чувашии от общих темпов социально-экономического развития страны.

В третьем параграфе «Этнотерриториальный фактор в становлении Чувашской автономии» показано, что Чувашская автономная область была образована преимущественно по национальному признаку без должного учета экономической составляющей. В период «военного коммунизма» такая политика не вызывала особого беспокойства, поскольку содержание автономии обеспечивалось из централизованных государственных источников. С переходом к нэпу стала очевидной невозможность ее

фактического существования в заданных территориальных рамках. Поэтому местными властями был разработан проект «Большая Чувашия», предусматривающий увеличение территории в 2,8 раза за счет земель соседних автономных республик и губерний.

Самыми болезненными для властей Чувашии оказались территориальные споры с Марийской автономной областью и Ульяновской губернией, которые велись почти пять лет. Конфликт завершился «рокировкой» площадями: практически все левобережные земли автономии оказались в составе Марийской области, а из Ульяновской губернией была присоединена часть территории Алатырского уезда, который, считавшийся «на материке» самым экономически отсталым, в Чувашской АССР оказался самым промышленно и культурно развитым районом. Властям не удалось реализовать постановление Президиума ВЦИК от 21 апреля 1925 г., которое предусматривало включение в состав Чувашской АССР 13 селений из Буинского кантона Татарской АССР, поскольку Центр вынужден был считаться с ее статусом и не решался на произвольное изменение границ. Отношения с западным соседом Нижегородской областью носили менее конфликтный характер.

Краткий экскурс в проблему дает основание предположить, что в 1920-е гг. действовала установка на приобретение «доверия прежде угнетенных наций» через «искусственную постановку» русского населения в «положение более низкое по сравнению с другими»¹. В ходе территориальных споров властям Чувашии удавалось договариваться о присоединении к ней лишь территорий с русскоязычным населением, что еще раз подтверждает правоту патриарха чувашского народа И.Я. Яковлева о сохранении мира и дружбы с русским народом². В редких случаях достигался компромисс по вопросу включения районов со смешанным чувашско-татарским населением. Но им не удалось ни разу придти к согласию по вопросу оставления в составе Чувашии левобережных земель, заселенных преимущественно марийским населением. В этом случае не помогало и неоднократное обращение к Сталину.

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. Изд. 6-е. Ч.1. - М., 1940. - С. 388.

² Яковлев И.Я. Завещание родному чувашскому народу/ Моя жизнь: Воспоминания. - М., 1997. - С. 599 – 601.

Лидеры коммунистической партии расширение территории Чувашии воспринимали как некую техническую процедуру, а не как единственно возможный выход из «чувацкого тупика». В разрешении территориального спора «верховный арбитр» в лице Политбюро исходил преимущественно из национальных, политических и идеологических соображений, нежели социальных и экономических. Но, ни в одной из территорий, объявленных властями Чувашии зоной ее жизненных интересов, чуваши не составляли большинство населения. В то же время руководство автономии придавало третьестепенное значение этническому признаку. Главным для них являлся экономический фактор как «абсолютно необходимый для оправдания смысла образования автономии».

В итоге площадь территории Чувашии увеличилась лишь на 11,3%, что мало способствовало разрешению ее самых главных и острых проблем. Она оставалась самой малой по площади автономией Среднего Поволжья. Потеря левобережных земель обернулась ликвидацией половины лесопильных заводов, снижением поступлений лесных доходов, сокращением местного бюджета автономии более чем на треть, что не компенсировалось присоединением трех волостей Алатырского уезда. Вместо объединения чувашского населения близлежащих губерний она получила земли, населенные преимущественно русским и мордовским народами.

В третьей главе «Экономическое развитие Чувашской автономии» анализируется восстановление материальной базы народного хозяйства через призму использования рыночных и плановых механизмов, что показывало пределы вмешательства государства в экономику.

В первом параграфе «Источники финансирования народного хозяйства Чувашии» показано, что быстрые темпы роста местного бюджета автономии (22,4 раза) объяснялись не только ее низкими стартовыми финансово-экономическими условиями, но и существенным ростом неналоговых доходов и государственных дотаций при уменьшении налоговой нагрузки на бюджет. Высокий удельный вес государственных пособий и дотаций, составивших от 2/3 до 3/4 сметы автономии, свидетельствовал о стремлении

федеральной власти оказывать реальную помощь отсталым национальным образованиям. Остальная часть сметы приходилась на местные доходы.

Налоговые доходы выросли лишь в 13,1 раза, в результате их доля в местном бюджете сократилась с 40% в 1922/23 г. до 23,6% в 1927/28 г. Удельный вес налоговых доходов в бюджете Чувашии оказался в 2 раза меньше, чем в госбюджете страны¹, что объясняется низким уровнем восстановления народного хозяйства, слабым развитием торговли.

Косвенные налоги, составлявшие примерно 60-70% всех налоговых доходов в автономии, состояли исключительно из «пьяных» поступлений. Суммарно акцизы на хлебное вино и сахар превышали 97% всех косвенных налогов. Население расходовало на употребление казенной водки и самогонки в 2 раза больше средств, чем на просвещение и здравоохранение². Акцизы с нефтепродуктов оказались в 65 раз меньше, чем с продажи церковных свечей, что показывает крайне низкий уровень экономического развития Чувашии.

На прямые налоги приходилось около трети всех налоговых доходов. Максимальная налоговая нагрузка на крестьян автономии наблюдалась в 1924/25 г., когда в среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось единого сельскохозяйственного налога в размере 8 руб. 61 коп., минимальная – в 1927/28 г., тогда на каждое хозяйство приходилось налога в сумме 2 руб. 41 коп., или в 3,5 раза меньше. В расчете на едока тяжесть этого налога сократилась в 3,3 раза и составляла в 1927/28 г. лишь 50 коп. Но столь динамичное снижение налогообложения не сопровождалось ростом производительного труда. Руководство автономии не раз отмечало, что в семьях чувашских крестьян «в один праздник на самогонку тратится намного больше, чем на налоги³».

Со второй половины 1920-х гг. усиливается социально-классовая направленность налоговой политики. В 1926/27 г. от уплаты единого сельскохозяйственного налога получили освобождение более половины крестьянских хозяйств автономии, в 1927/28 г. – 59%. Снижение налога с

¹ Дьяченко В.П. История финансов СССР. - М., 1978.- С. 145, 181.

² ГИА ЧР. Ф. 202. Оп. 1. Д. 38. Л. 85 – 94.

³ ГАСИ ЧР. Ф. 1 . Оп. 8. Д. 65. Л. 110- 173.

бедняков сопровождалось ростом налогообложения состоятельной части крестьянства. В 1926/27 г. разница в оплате подоходного налога по первой росписи, которым облагались трудовые доходы в пониженном размере, и третьей, где учитывались все нетрудовые доходы, составляла в 18,3 раз в пользу первой. Такая классово-избирательная налоговая политика ущемляла интересы предприимчивой части населения, старавшейся иметь неземледельческие заработки, но способствовала выживанию бедных и маргинальных слоев, которые, получая всевозможные налоговые льготы со стороны советской власти, не имели особого стимула для производительного труда и восстановления своего хозяйства.

Главным источником неналоговых поступлений в автономии, выросших в 33,8 раза за этот период, являлся лесной доход. Стабильность его сбора, на который приходился примерно 90% всех неналоговых доходов, находилась в очень сильной зависимости от решений Центра. Остальная часть этих поступлений приходилась на займы, которые реализовывались в добровольно-принудительном порядке.

Расходная часть местного бюджета росла большими темпами, чем доходная – в 24,7 раза. Более половины средств направлялось на образование и здравоохранение. Вторую позицию занимали административные расходы, составившие в 1927/28 г. в местном бюджете автономии 17,4%, что в 2 раза выше аналогичных показателей по стране¹. Затраты на развитие главных отраслей народного хозяйства составляли незначительную величину.

В 1920-е гг. местный бюджет автономии оставался дефицитным и обеспечивал ее существование лишь в режиме выживания. Расчет региональных властей решить все социально-экономические проблемы за счет дотаций и пособий из Центра не соответствовал директивным установкам партии, направленным на достижение режима экономии и сокращение дефицита бюджета. Федеральные органы власти соглашались удовлетворять потребности автономии в финансово-кредитных ресурсах в строго ограниченных и минимальных размерах.

¹ Дьяченко В.П. История финансов СССР. – М., 1978. – С. 146, 216.

Союзные власти твердо стояли на позиции централизации финансовых ресурсов. Считалось, что концентрация денежных средств обеспечивает увеличение бюджетов национальных республик не только за счет развития их экономики, но и путем перераспределения ресурсов из союзного бюджета. Но существовала огромная разница между суммой налоговых и неналоговых доходов, направляемых с территории автономных республик в централизованный бюджет страны, и выплат из него на реализацию региональных программ социально-экономического развития. В автономии суммарно оставалось лишь около 1/3 государственных налоговых поступлений и примерно половина неналоговых доходов, собранных на ее территории. Формальное равенство бюджетов национальных республик, заключавшееся в одинаковых процентах отчислений от государственных доходов, при неодинаковом их социально-экономическом положении оборачивалось хронической дотационной зависимостью и ростом дефицита местных бюджетов, особенно таких отсталых регионов, как Чувашия.

Во втором параграфе «Трансформация аграрного сектора экономики» показано, что Чувашия оставалась аграрным регионом страны. Сельскохозяйственное производство, в котором было занято 95,4% населения автономии, занимало главенствующее место в народном хозяйстве. Территория Чувашии относилась к зоне рискованного земледелия, отличалась бедностью почвы: на черноземы, дающие лучшие урожаи, приходилось лишь 15% ее территории. Засухи, повторяющиеся через каждые 5-6 лет, приводили к разорению крестьянских хозяйств.

Единственно социально значимым мероприятием советской власти стало введение уравнительного землепользования, когда разница в землепользовании полярных групп крестьянства в Чувашии сократилась до 1,5-2 раз против 6-7 раз в дореволюционное время. Но аграрные реформы не разрешили проблему малоземелья чувашских крестьян. Средняя обеспеченность земель одного крестьянского двора в автономии составляла лишь 4,4 га, что в 3 раза меньше аналогичного показателя крестьян европейской части страны. В 1924 г. 74,8% крестьянских хозяйств относились к категории малопосевных (от 0,1 до 3,3 га), что в 2 раза больше,

чем в стране. Лишь четверть хозяйств причислялась к средней категории с посевами от 3,3 до 10 га. Крепкие хозяйства с посевами, превышающими 10 га, были редким явлением в чувашской деревне и составляли менее 1%¹.

Политика коммунистической партии, ориентированная на национализацию земли, раскол деревни, выкачивание средств из села за счет «ножницы» цен, вытеснение состоятельных, привела к тому, основные поставщики товарного зерна не были заинтересованы в расширении производства. Ставка большевиков на бедняков не оправдалась². Бедняцкие и середняцкие хозяйства, как и колхозы и совхозы, играли мизерную роль на селе, производя продукцию лишь для внутреннего потребления.

Сельское хозяйство автономии не вышло из состояния кризиса. В 1913 г. на территории современной Чувашии валовая продукция отрасли составляла 36,5 млн. руб., в 1927-28 г. – 29,9 млн. руб. в золотом исчислении, или только 81,9 % довоенного уровня, а товарная часть - лишь 56%.³

В третьем параграфе «Уровень развития и структура промышленности автономии» отмечается, что в 1920-е гг. Советское государство проводило противоречивую промышленную политику, направленную на укрепление социалистического сектора за счет вытеснения государственно-капиталистического и частного укладов. Развитие промышленности шло неравномерно, сохранялись серьезные диспропорции между ее секторами.

На 20-е гг. приходится наиболее высокие темпы роста промышленного производства в России во всем XX столетии⁴. Но это не относится к Чувашии, промышленность которой находилась в состоянии глубокого кризиса. Местные власти в те годы сумели восстановить работу двух спиртзаводов, но им не удалось добиться строительства железнодорожной ветки Канаш-Чебоксары, возведения хотя бы одного предприятия общегосударственного масштаба. В 1927/28 г. объем выпуска продукции ценовой промышленности, в которой было занято 0,2% населения области, составлял только 57% от довоенного уровня.

¹ Статистический справочник к десятилетию ЧАССР (1920-1930 год).- Чебоксары, 1930. – С. 50-51.

² Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. – М., 2000.

³ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1. Л. 249 – 250.

⁴ Федоренко Н.П. Россия на рубеже веков. - М., 2003. - С. 127-129.

Основная причина плачевного положения отрасли, по мнению руководства автономии, заключалась в сильной зависимости пищевкусовой промышленности от поставок сырья из других районов страны, а также в резком уменьшении выпуска продукции в маслособойном и спиртоводочной производствах. Центральные органы приводили более внушительный список причин промышленного спада. Среди них повышение себестоимости изделий, разрыв между заработной платой и производительностью труда, чрезмерный расход топлива, нецелевое использование оборотных средств.

Причина спада промышленного производства заключалась в однобокой стратегии развития автономии на базе аграрного сектора экономики. Ситуация требовала иных политических и экономических решений для обеспечения роста промышленного производства, в т.ч. отказа от идеи восстановления бездействующих лесопильных предприятий, «маниловских» планов сооружения почти 50-и новых фабрик и заводов, не обеспеченных проектно-сметной документацией, материалами, кадрами и финансами.

К числу объективных причин отставания следует отнести и большую глубину промышленного кризиса в автономии, что потребовало более длительного времени для выхода на траекторию устойчивого развития. Но времени на «разгон» практически не оставалось, так как уже со второй половины 1920-х гг. начался демонтаж рыночной системы.

В целом Чувашия оставалась аграрным районом со слаборазвитыми кустарными промыслами и промышленностью. В 1926/27 г. в общем объеме валовой продукции экономики на долю сельского хозяйства приходилось 77,7%, ценовой и мелкой промышленности – 22,3%. Доминирование идеологических приоритетов над объективной реальностью привело к тому, что сельское хозяйство не обеспечивало население зерном и продуктами, а индустрия – спроса крестьян на промышленные товары и изделия.

В четвертой главе «Реализация социальной политики Советского государства в Чувашии в 20-е годы XX века» прослежен процесс глубокой трансформации социально-классовой структуры общества согласно доктринальным установкам коммунистической партии, роста протестных настроений в обществе, выяснены причины и последствия столь длительного

сохранения голодного бедствия в регионе, обоснована необходимость проведения в ней культурной революции.

В первом параграфе «Социальная структура населения Чувашской автономии» показано отрицательное влияние политики уничтожения эксплуататорских классов на демографическую ситуацию в регионе. На авансцену политической жизни вышли новые страты – рабочие, крестьяне из бедняков и батраков, а также другие полупролетарские слои населения. Глубокая деформация поло-возрастной структуры населения произошла из-за войн, а также эпидемий и болезней.

Введение нэпа отвечало интересам большинства жителей Чувашии, где удельный вес крестьян составлял 91,7%. Доля бедных существенно выросла и к середине 1920-х гг. на них приходилось почти три четверти крестьянского социума. Средняки составляли лишь примерно четвертую их часть, а состоятельные и зажиточные – только 2,2%, что примерно в 6 – 7 раз ниже, чем в целом по Российской Федерации.

Чувашия занимала последнее место в стране по удельному весу рабочих в составе населения. Русские составляли подавляющую часть занятых в промышленности, на транспорте и строительстве, а также среди хозяйственных руководителей. В автономии весьма низкой оставалась доля служащих, которые были представлены в основном русскими чиновниками и учителями из чувашского населения.

Практически все слои населения имели претензии к советской власти. Низкая заработная плата и частые ее задержки являлись основными причинами недовольства рабочих. Социальное самочувствие крестьян автономии трансформировалось от толерантного отношения к партии и советской власти к критической оценке их деятельности. Существенное ограничение легальной производительной деятельности обернулось извращением нравов населения. Именно с этих лет берет начало массового изготовления чувашскими крестьянами самогона, который становится параллельной валютой на селе. Открытие новых магазинов Госспирта способствовало усиленной алкоголизации населения. При поголовном

пьянстве трудно было ожидать позитивных перемен в социально-экономическом развитии региона.

Во втором параграфе «Преодоление последствий голода в Чувашии» показано, что продовольственный кризис, начавшийся в крае в годы первой мировой войны, продолжался в автономии практически в течение всего первого десятилетия советской власти. Поэтому объективно крестьяне отрицательно относились к советской власти, которая, по их мнению, «кроме нищеты ничего не дала»¹. Главная причина голода заключалась в реализации властями антирыночной политики. Социально-экономическая история показывает, что бедный, получающий большой кусок от меньшего пирога, нисколько не выигрывает от перераспределительных программ².

Аграрные реформы советской власти несли в себе не только заряд созидательный, но и разрушительный. Карликовые крестьянские хозяйства автономии, имеющие до 25 полос на различных участках земли, не могли обеспечивать даже минимума продовольственных потребностей населения и гарантировать их от голода, бедности и нищеты. Деграция сельского хозяйства происходила на фоне прироста общей численности населения, взлета цен на промышленные изделия, товарного дефицита. Беспросветность существования при советской власти толкала население на усиленное употребление хлебного вина и самогонки, что давало временный эффект и эйфорию. Выход из этой ситуации власти не без основания видели в проведении культурной революции, просвещении населения.

В третьем параграфе «Ликвидация неграмотности и становление советской системы образования» дан анализ становления новой системы образования, основанной на таких принципах, как всеобщность, добровольность, бесплатность и равноправность обучения. Из-за дефицита финансовых и материальных ресурсов, нехватки подготовленных кадров не удалось достичь всеобщей грамотности населения. В 1926 г. почти половина жителей автономии в возрасте 9 – 49 лет не умела читать и писать. Доля неграмотных среди женщин оказалась в 2,2 раза больше, чем среди мужчин.

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране. Документы и материалы. – М., 2001. – Т. 2. – С. 98.

² Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора / Пер. с англ. – М., 1997. – С. 646.

Не удалось ввести всеобщее обязательное начальное образование детей, что сопровождалось пополнением неграмотных «снизу». Учреждения школьного образования реализовывали и охранительную функцию – защиту детей от тягот послевоенного времени, хозяйственной разрухи, голода и эпидемий.

Вырос престиж школ фабрично-заводского ученичества, поскольку в них молодежь наряду с рабочей профессией получала и общеобразовательные знания в объеме, близком к семилетнему. Увеличилась сеть средних специальных учебных заведений, но техникумы не справлялись с подготовкой квалифицированных специалистов для народного хозяйства. Росту общего уровня культуры населения и расширению социальной базы специалистов способствовала деятельность Чувашского рабфака, куда принимались дети беднейших крестьян и рабочих. Подготовка специалистов с высшим образованием велась в столичных городах страны.

Учебно-материальная база школ и техникумов оставалась крайне низкой. В учебных заведениях катастрофически не хватало педагогических кадров. Из их общей численности примерно лишь 4,8 % работников имели высшее образование. Низкая заработная плата учителей, хроническая ее задержка являлись тормозом в деятельности системы народного образования.

В заключении подведены основные итоги исследования. Изучение истории этнополитического и социально-экономического развития Чувашии в 1920-е гг., одной из самых национальных, крестьянских, социалистических, аграрных и отсталых автономий федерации, явно не похожей на свой советский конституционный портрет, позволяет сделать следующие выводы:

1. Анализ исторической литературы показывает актуальность объективного познания сложных этнополитических и социально-экономических процессов, происходивших в регионе в 1920-е гг. В историографии советского и даже постсоветского времени вопреки фактам утверждается о завершении восстановления народного хозяйства Чувашии в годы нэпа, росте благосостояния рабочих и крестьян. Этот диагноз не соответствует действительности. Фактически в этот период в ней социалистическая модернизация «сверху» не удалась, а «экономического чуда» не получилось. Ни политика «военного коммунизма», ни нэп не способствовали выходу

Чувашии из системного кризиса, что подтверждается постановлениями Политбюро ЦК ВКП (б) от 19 февраля 1925 г. и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 30 августа 1928 г.

2. Изучение опыта реализации права наций на самоопределение в регионе выявило, что Чувашская автономная область, сформированная в июне 1920 г. преимущественно по национальному признаку, не имела внутренних источников поступательного социально-экономического развития. «Чувашский тупик», заключавшийся в отсутствии крупных городов и культурных центров, инфраструктуры, малоземелье, аграрной перенаселенности, слабом развитии цензовой промышленности, торговли, транспорта и связи, являлся результатом объединения в автономию территорий со сплошным чувашским населением.

3. Региональная практика насаждения военно-коммунистических идей, основанных на принуждении, реквизиции и насилии, доказывает, что грубое и пренебрежительное отношение государства к человеку оборачивается ростом сопротивления и протестных настроений в обществе. Последствиями жестокого подавления восстания безоружных чувашских крестьян в январе 1921 г. стали глубокая апатия, неверие в идеалы советской власти о счастье, равенстве и справедливости, что размывало морально-нравственные основания реформ, сводя их к отрицательным величинам.

4. Анализ показал нереальность проекта «Большая Чувашия», разработанного местными властями в целях выхода из «чувашского тупика». Руководству автономии не удалось достичь компромисса с властями по реализации этого проекта, предусматривавшего расширение территории автономии в 2,8 раза за счет земель соседних регионов, переселение трети населения Чувашии за ее пределы, получение солидной финансово-материальной помощи из федерального Центра. Увеличение площади территории автономии на 11,3% мало способствовало разрешению наиболее острых проблем населения. В начале 1926 г. власти республики пришли к неутешительному выводу: в существующих территориальных рамках чувашский народ обречен на нищенское существование¹.

¹ ГИА ЧР. Ф. 202. Оп. 2. Д. 230. Л. 159 - 162.

5. Опыт изучения 1920-х гг. выявил негативное влияние территориальных споров между автономиями и губерниями Среднего Поволжья по вопросу установления административных границ, так как уводило в сторону от разрешения острых социально-экономических и этнокультурных проблем, а, главное, способствовало их фактическому подчинению Центру. Территориальные споры удавалось «разруливать» лишь после вмешательства главного «арбитра» – Политбюро и ЦК коммунистической партии.

6. История претворения в жизнь сталинской национальной политики в 1920-е гг., основанной на централизации, администрировании и репрессиях, убеждает, что национальные автономии страны на этом этапе не стали самостоятельными и полноправными административно-территориальными единицами. Чувашская автономная республика, лишь формально обладая атрибутами национальной государственности, была крайне ограничена в своих правах и находилась в дотационной зависимости от федерального Центра.

7. Анализ показывает отсутствие политической стабильности в автономии, что является необходимым атрибутом и важной предпосылкой позитивного роста. Партийно-хозяйственная элита, вовлеченная в перманентную борьбу за власть, не имела должного авторитета в центральных органах управления. Кризис власти, показавший ее органическую неспособность управлять «по-новому», являлся одной из причин стадийного отставания Чувашии от общих темпов восстановления народного хозяйства страны.

8. Изучение реализации новой экономической политики убеждает в бесперспективности проведения реформ, не адекватных стадии развития региона, неэффективности дозированного включения рыночных механизмов. Партийно-государственная линия на укрупнение производства путем трестирования и вытеснение частной промышленности не могла компенсировать в автономии острый дефицит финансов, сырья и квалифицированных кадров, что создавало серьезные трудности в деле восстановления промышленности. Результатом кризиса главной отрасли производства стало превращение Чувашии из поставщика товарной сельскохозяйственной продукции в хлебопотребляющий район страны.

9. Опыт 1920-х гг. доказывает, что экономический кризис сопровождается обострением социальных проблем. Массовый голод, который преследовал крестьян автономии вплоть до конца 1926 г., поголовная неграмотность населения, безработица, пьянство, рост нищеты, бедности и социальных болезней, свидетельствовавшие об отрыве реформ от реальности, породили разочарование в нэповской реальности, что объективно становилось антимодернизационным фактором.

10. Анализ реализации социально-классовой политики Советского государства в автономии в 1920-е гг. подтверждает, что она носила деструктивный характер и привела к уничтожению тонкого слоя дореволюционного среднего класса и росту маргинальных слоев населения. Вышедшее на авансцену политической жизни рабочие и беднейшее крестьянство, составлявшее 75% крестьянского социума Чувашии и привыкшее с революционных лет решать все проблемы общества по универсальному «шариковскому» принципу «все отнять и поделить», были заражены антирыночной ментальностью и объективно заинтересованы в усилении классовой борьбы, государственного произвола и деспотизма.

11. Анализ выявил, что г. Чебоксары, считавшийся временной столицей Чувашии, не стал местом концентрации экономического и социального потенциала автономии. В столице, отнесенной статистиками к числу мелких административных поселений, проживало менее пятой части городского населения автономной республики.

12. Социально-экономическая история подтверждает недолговечность заигрывания и манипуляции Советским государством рыночными механизмами, направленными для решения сиюминутных тактических задач. В конце 1920-х гг. власть, не исчерпав потенциал реформирования на нэповских принципах, но, опасаясь неизбежности либерализации политической системы и реставрации буржуазных порядков, приступила к новому этапу социалистической модернизации общества. Форсированная индустриализация, насильственная коллективизация, культурная революция, директивное планирование стали базовыми элементами административно-командной системы, выросшей в недрах нэповской реальности.

**Основные положения диссертационного исследования отражены в
следующих публикациях:**

***В изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и
науки РФ***

1. **Орлов В.В.** Социально-экономическое развитие Чувашии в XX веке в региональной исторической литературе: историография проблемы / В.В. Орлов. – М., 2004. – 67 с. – Деп. в ИНИОН АН РФ. Регистрационный номер 58758 от 30.06. 2004 г.
2. **Орлов В.В.** Малоизвестные страницы из истории чувашско-марийских этнотерриториальных споров 1920-х годов / В.В. Орлов // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 3. – С. 21-29.
3. **Орлов В.В.** Голод 1920-х годов в Чувашии: причины и последствия / В.В. Орлов // Отечественная история. – 2008. – № 1. – С. 106-117.
4. **Орлов В.В.** К дискуссии об основных направлениях социально-экономического развития Чувашии в годы нэпа / В.В. Орлов // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 13 (70). – С. 39-42.
5. **Орлов В.В.** Основные проблемы и итоги социально-экономического развития Чувашии в годы нэпа / В.В. Орлов // Федерализм. – 2008. – № 2. – С. 207-218.
6. **Орлов В.В.** Промышленность Чувашии в годы НЭПа: основные проблемы и итоги развития / В.В. Орлов // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 30 (87). – С. 43-52.
7. **Орлов В.В.** Руководящая политическая элита Чувашии в годы нэпа / В.В. Орлов // Государственная служба. – 2008. – № 5. – С. 177-180.
8. **Орлов В.В.** Крестьянское восстание в Чувашии в 1921 г.: причины и последствия / В.В. Орлов // Отечественная история. – 2008. – № 5. – С. 165-171.

В других изданиях.

9. **Орлов В.В.** Развитие народного образования и науки Чувашской АССР / В.В. Орлов // Чувашской АССР – 70 лет. – Чебоксары, 1990. – С. 83-106.
10. **Орлов В.В.** П.Е. Ефремов: легенды и действительность / В.В. Орлов. – Чебоксары, 1997. – 212 с.
11. **Орлов В.В.** Деловая элита Чувашии в конце XIX – начале XX вв. / В.В. Орлов // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития. – Чебоксары, 1998. – С. 188-212.
12. **Орлов В.В.** Городские общественные банки Чувашии во второй половине XIX – начале XX вв. / В.В. Орлов // Поволжье в системе

Всероссийского рынка: история и современность. – Чебоксары, 2000. – С. 122-139.

13. **Орлов В.В.** Основные проблемы и тенденции социально-экономического развития Чувашии в XX веке /В.В. Орлов // Чувашская Республика на рубеже тысячелетий: история, экономика, культура. - Чебоксары, 2000. – С. 27-31.

14. **Орлов В.В.** Профессиональное образование Чувашии в XX веке: основные проблемы и итоги развития / В.В. Орлов // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. – Чебоксары, 2001. – С. 149-193.

15. **Орлов В.В.** Высшее образование в полиэтнокультурной среде в XX веке: основные проблемы и итоги развития (на примере Чувашии) / В.В. Орлов // Российская история XX века: проблемы науки и образования. – М., 2004. – С. 72-75.

16. **Орлов В.В.** Советская власть и крестьянство в 1920-е гг. (на примере Чувашии) / В.В. Орлов // Научные труды международной научно-практической конференции ученых МАДИ (ГТУ), МСХА, ЛНАУ. 15-16 июня 2005 года. Том 3. История и философия. – Москва-Луганск, 2005. – С. 22-28.

17. **Орлов В.В.** Социально-экономическое развитие Чувашии в 1941-1945 гг. /В.В. Орлов // Тыл в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Чебоксары, 2005. – С. 63-75.

18. **Орлов В.В.** Крестьянство и власть в 1920-е годы (на примере Чувашии) /В.В. Орлов // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. – М., 2005. – С. 510-517.

19. **Орлов В.В.** Печатные труды В.Д. Димитриева по вопросам истории Чувашии советского периода / В.В. Орлов // Служение истории: Сб. ст. – Чебоксары, 2005. – С. 98-116.

20. **Орлов В.В.** Крестьянство Чувашии в условиях модернизации российского общества в XX – начале XXI вв.: основные итоги и задачи изучения /В.В. Орлов // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. – Самара, 2006. – С. 485-491.

21. **Орлов В.В.** Экономическая политика Советского государства и региональная практика в 1950-1980-х годах (на примере Волго-Вятского района) / В.В. Орлов // Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века. – М., 2006. – С. 205-214.

22. **Орлов В.В.** Центр и регионы: межбюджетные отношения в годы нэпа (на примере Чувашии) /В.В. Орлов // Проблемы отечественной истории: Сб. трудов. – М., 2006. – С. 197-233.

23. **Орлов В.В.** Экономика Чувашии в 1941 – 1945 гг. / В.В. Орлов // Россия в войнах XIX – XX вв.: Межвузовский научный сборник. – М., 2006. – С. 96-113.

24. **Орлов В.В.** Формирование местного бюджета Чувашии и финансирование программ ее социально-экономического развития в годы нэпа / В.В. Орлов // Чувашский гуманитарный вестник. – Чебоксары, 2006. – С. 38-61.

25. **Орлов В.В.** Проблемы историографии аграрной и продовольственной политики в 1920-е годы (на примере Чувашии) / В.В. Орлов // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII – XX веках: проблемы источников и историографии. – Оренбург, 2007. – С. 240-249.

26. **Орлов В.В.** Деловая элита Чувашии в конце XIX – начале XX века: особенности формирования и развития / В.В. Орлов // Предпринимательство как социально-экономический феномен в истории России: материалы Всероссийской научной конференции. - Омск, 2008. – С. 81-86.

27. **Орлов В.В.** Проблемы изучения доколхозной деревни Чувашии: общие и региональные аспекты / В.В. Орлов // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. – Вологда, 2008. – 15 с.

28. **Орлов В.В.** Социально-экономические проблемы подготовки рабочих кадров в профессионально-технических учебных заведениях Чувашской АССР в 1971-1985 гг. / В.В. Орлов. – М.: РГАЗУ, 2008. – 232 с.

29. **Орлов В.В.** Пьянство как фактор межкультурного диалога между городом и селом в 1920-е годы (На примере Чувашии) / В.В. Орлов // Тезисы выступлений на XXI Всероссийской конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 2008. – 12 с.

30. **Орлов В.В.** Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX столетия. Монография / В.В. Орлов. – М.: Изд-во РГАЗУ, 2009. – 380 с.